

ВЛАДИМИР СИСИКИН

ВСАДНИКИ НА БЕРЕГУ

ИЗ ПОВЕСТИ «ПЕРЬЯ ПТИЦЫ СТРАУС»

1

Они бок о бок прошли до первого загоулка. Свернули. Нужно было начинать, и Мальчик сказал:

— Н-ну?!

Он хотел, чтобы это прозвучало грозно, но голос сорвался. И пока Мальчик злился на себя за это, бригадир неторопливо шевельнулся. Мальчик почувствовал, как, проколлов сорочку, в живот ему уперлось что-то острое. Мальчик не сразу понял — нож! Шарахнулся. Всеи спиной и затылком грянулся о камень. Стена.

Из-под мышек поползли по бокам медленные капли пота. За черным плечом бригадира в пяти шагах, мир стал жить странно-замедленно. В поле зрения вдвинулся черный автомобиль: сначала фары, потом кабина. Машина тихо исчезала, таща за собой красную ленту стоп-сигнала. В витрине стоял манекен — девушка с мертвыми зелеными ногами, в распахнутом пляжном халатике, из-под которого белой полоской светился бюстгальтер.

Бригадир душно говорил, брызжа раскаленной табачной слюной. Но Мальчик боялся утереться и закрыл глаза от бессилия и отвращения.

— Не для тебя эта девка, не для тебя, сопледон, не твоё, — втолковывал бригадир. — А то любилку отрежу и собакам брошу, понял?

И тыльной стороной ладони ударил Мальчика в пах. Мальчик вздрогнул и хотел утвердительно кивнуть, но гордость вдруг приморозила затылок к стене.

Где-то каплеи судорожно била в одну точку, была весна, всё было непонятно и темно. А еще несколько часов назад океан стоял гладкий, как вода в голубом тазу. СРТ «Нырок», крохотный, словно чайника в тазу, пыхтел к берегу — заправиться водой. Весна бросила в судно горсть веснушек, от них даже бандитская рожа Сани Перебейнюха стала не столько дикой, сколько

глуповато-симпатичной. Хмурый Саня, под тяжестью которого гнулись палубные доски, почувял весну и начал ходить неслышно. Чаше других слов он произносил слово «девочки».

Артельщик Копытов, парикмахер-самоучка и высокомерный владелец блестящей машинки, открыл на палубе парикмахерское заведение «Бриз». Ветер нёс неандертальские ключья восьмимесячных бород. Чайка схватила над водой серебряную прядь тралмастера Ефимыча, приняв ее за рыбешку. Команда доводила складки на брюках до изысканной остроты — «девкам юбки резать».

Только палубный матрос Мальчик, получивший это прозвище за свои восемнадцать лет, не сбрил бороды. Это была первая в его жизни борода, хоть и небольшая, но в правильных колечках, как у Зевса-громовержца в учебнике истории. Борода была нужна Мальчику для одного дела. Несмотря на изнурительную работу, он плохо спал по ночам. Он не знал еще ни одной женщины. Являлись ему видения — сцены обольщения им, Мальчиком, различных девочек женского пола. И большую умозрительную роль здесь играла борода: при знакомстве она — визитная карточка настоящего мужчины. И, хотя этот мужчина должен был обладать и кое-какими иными качествами, Мальчику казалось, что борода, по крайней мере, полдела. Вот он её и не сбрил, решив на этот раз найти себе женщину.

Он был свободен от вахты, задолго до берега оделся парадно, и вместо резиновых сапожищ натянул туфли с невесомыми подметками, которые держали человека в сантиметре над землей.

Когда входили в порт, два самца-сивуча дрались на молу, вьёвшись пасть в пасть. Капала розовая пена, и рев зверей разносился на мили окрест. Сивучиха наблюдала инцидент, грузно приподнявшись на раскинутых, как два серпа, лапах. Она была необъятна, блестяща боками. Прекрасная головка на змеиной шее, напряжен-

но колебалась. В своей молчаливой внимательной красоте она была более смертоносна, чем дураки-самцы, оружие и хлопающие с блинным звуком ластами.

— Ай да ба-ба! — восхитился Ефимыч, все захохотали, загомонили, а Мальчик радостно засвистел. И свистел, пока не занемели губы, и слюни не потекли по пальцам. Сивучи парили под водой, распластав жирные крылья, а солнце запустило лучи в глубину и лениво мешало раствор соли и дикого мяса.

На берегу поскакали в ресторан. Саня, пригнувшись за кармашек на фартуке официантку, что то пошептал, поулыбался, и вскоре за столиком появились две девушки. Мальчик выпил несколько рюмок коньяку, и девушки показались ему мерцающе-красивыми, особенно та, что поменьше, Лена. Она была невесела и боялась красивого парня, сидевшего через несколько столиков. Лена сказала, что он бригадир у нее на работе. Бригадир всё время смотрел на Лену и иногда подмигивал. Мальчик тут же возненавидел его и кивком вызвал незнакомца на улицу, чтобы проучить нахала.

Но бригадир прижал Мальчика к стене ножом. Отрезавший Мальчик стоял, задрал свою бородку Зевса-громовержца, глядел на зеленый манекен и даже не смог бы, если б и попытался, припомнить лицо этой Лены, из-за которой все так паскудно получилось. Мальчик про себя обругал её, пожалев, что связался.

— Что же ты молчишь, как рыба об лёд? — резвясь спросил бригадир, и тут Мальчик услышал. Он услышал быстрый голос Сани: «Куда пошли?» и торопливые шаги. Мальчик громко сказал:

— Брось нож.

На фоне витрины показался настороженный Саня, пригляделся и неслышно шагнул в тупичок. Раздалось «х-ха!», с каким рубят дрова. Бригадир, голова которого чуть не улетела к весенним звездам, опустился на землю. Саня и Мальчик навалились на него, но тот лежал плоско, как чучело для штыкового боя.

— Что мне делать с моей рукой? — озабоченно спросил Саня Перебейнюх, разглядывая кулак. — У тебя нет какого-нибудь пирамидона или аспирина?

— Что такое? — тревожно спросил Мальчик, искренне желая показать свою беспредельную преданность Сане. — Повредил? Дай гляну.

— Беда с рукой! — сокрушался Саня. — Как стукну кого — так из ботинок вылетает, как стукну — зови дворников выметать зубы... Что делать с рукой?

Мальчик нервно посмеивался, и вроде бы оправдываясь, затараторил:

— Он, гад, понимаешь, с ножом, ха... Я с ним только потолковать хотел, а он раз — и нож...

— А это вовсе и не нож, — с болью и обидой произнес очнувшийся бригадир, — это не нож, а так, предмет для слабонервных... Гляди, дурак, — он приподнялся на локте, показал лезвие, согнул и разогнул его о живот.

Саня взял предмет. Острая полоска жести, обмотанная с одного конца синей изоляционной лентой. Согнул, разогнул, хмыкнул. Протянул Мальчику. Он, порезав ладонь, смял жёсть в кулаке и неожиданно для себя ударил бригадира ногой в грудь. Тот охнул, перевернулся, поджал ноги и прикрыл голову руками. А Мальчик бил и бил своими легкими ботиночками, шипя:

— Ш-шутки?! Ш-шуточки?!

Саня оттащил его, трясущегося и плачущего от ярости. Потом потоптался и нерешительно спросил:

— Ну, что делать будем?

Ему было лень драться, ему не хотелось грубостей, ему хотелось сидеть в теплом чаду и брать бокал за нежную ножку.

— Идите, идите, — сказал бригадир, мотая головой, — а я еще снежку полижу...

Он зачерпнул под стеной грязного весеннего снега и приложил к уху.

Саня и Мальчик вышли на свет. Там стояла Лена. Это она привела Саню.

— Пойдем ко мне, — сказала Лена, — пойдем скорее.

Мальчик тупо поглядел на ее зеленое от витрины лицо и пожал плечами. Лена взяла его под руку.

Саня Перебейнюх посмотрел им вслед, и опущенные плечи Мальчика ему не понравились.

— В шесть отход, не забыл? — крикнул Саня.

2

...Посвистывала и гудела печь, и свет ее ходил по комнате. Мальчик, тяжело дыша, упал щекой на голое плечо Лены. Его лоб светился огненной испариной и женщина утерла ему лоб.

— Теленочек мой, — прошептала в ухо, — совсем еще мальчик, да? Храбрый мальчик...

Он помолчал, прикрыв глаза. Было неприятно.

— Вот так, — думал он, — вот так... Вот все...

Он погладил Лену по лицу, стараясь сделать это с благодарностью. Лена взяла его тонкую руку и поцеловала ладонь, где в мягких гнездах сидели твердые пуговицы мозолей.

— Морячок, — пожалела, — морячок...

Так же говорила мать, когда он приходил с морей, с таким же напевом:

— Морячок-ок мой...

И накладывала варенья. Мальчик почувствовал во рту вкус его, засахарившегося за долгие месяцы, пока он добывал селедку. Он

отрывисто вздохнул и загрустил. И почувствовал, как хорошо лежать не на качающейся койке, а этом мимолетном тепле, когда пожалела женщина.

За дверью раздался умоляющий кошачий мяв. Лена встала и приоткрыла дверь. Урчащий кот сквозанул в тепло, таща за собой ключья ночного холода. Лена достала ему из кастрюли облепленную варёной капустой кость. Кот, причитая, утащил её под стол, и оттуда донесли звуки борьбы. Потом Лена засыпала в печь уголь, и её силуэт стал очерчен огненной линией. Мальчик впервые видел совсем обнаженную женщину и смотрел, а когда она повернулась к нему, спрятал глаза. Лена пришла в постель, и Мальчик погрел ее ноги своими.

— Фанза ещё от японцев осталась, — сказала Лена, — всё время топить приходится. Выдувает в момент.

— А кто это за тип, твой бригадир? — ревниво спросил Мальчик. — Ты с ним тоже?..

— Нет. Но он добивается.

— А почему же ты не с ним, а со мной?

— А я не только с тобой.

Мальчик весь ослабел и замер, будто раньше не подозревал об этом. Однако настойчиво спросил:

— А он?

— Он подонок и гад. Мы в сетеповивке работаем, знаешь, тралы чиним. Он втихаря порежет ножом, а потом кричит, что ленивая, работать не хочет. И наряд мне не выписывает. Я, может, вправду, работать не хочу, но делаю же...

— Ты бы так и сказала, что он виноват!

— Мне не поверят: я и пью, и гуляю, а он передовой, бригадир.

— Чего же ему нужно?

— Хочет заставить, чтобы спала с ним. Фигушки. Я свободная: с кем хочу — сплю. А не хочу — фигушки. Я, говорит, ой какой настырный. Знаю, говорю, настырный. Только не добьешься! Добьюсь, говорит, запоешь у меня свиным голосом...

Лена вздохнула. Мальчик подумал, спросил:

— А почему ты... гуляешь?

— От чего люди гуляют? — рассудительно сказала она. — От тоски. Каждый день тралы, тралы... Так и мерещится — запуталась в этих сетках. Домой придешь — холодно. Топить надо. Есть же страны, где всегда тепло, и море, как молоко, и делай, что хочешь...

Лена показала на бумажную репродукцию, которая была прикреплена над кроватью тускло мерцающими кнопками. Уголь в печке снова разгорелся, и можно было видеть, как по берегу моря ехали смуглые полуобнаженные всадники — мужчины и женщины. Волосы относил ветер, и фигуры при шевелящемся огне стали неправдоподобно живыми, будто картина была мали-

новым окошком в иной мир, который начинался по ту сторону грязных обоев.

— Я её в библиотеке украла. Только художника забыла... на Гоголя похоже... Гоген, вот... Как-то просыпаюсь, а рядом толстый мужик лежит, храпит, а я и как зовут его не помню. Голова болит, на работу надо... А там, смотрю, люди едут свободные, соленые, чистые. Жалко себя стало, хоть вой. Подушку прокусила, перья ем, давлюсь. А этот рядом храпит, и волосы из носа пучком торчат. Я ему их спичкой и подожгла — как с ума сошла... Он — меня бить спросонья, а я страшная, в перьях, рычу... Он штаны под мышку и дёру... А мне это смешно... Смеюсь, смеюсь, остановиться не могу, чуть не задохнулась... Вот такая хохма была через эту картинку... Чудно.

Мальчик, волнуясь, сказал:

— Хочешь, я на тебе женюсь?

— Хочу, — ответила она, и Мальчик вдруг понял, что предложил он сгоряча, не хочется ему жениться, и ничего хорошего из этого не выйдет. Но отказаться от своих слов все-таки не смог.

— Давай тогда поженимся, — бодро сказал он, чувствуя страх от того, что какая-то сила опять втягивает его во что-то непонятное и ненужное.

— Испугался, — злорадно сказала Лена, внимательно рассматривая его лицо, — конечно, испугался...

— Кто испугался, я? — тонким голосом сказал Мальчик, приподнимаясь на локте. — Я испугался?

Он был востропанный, с лохматой бородачкой, смешной.

— Лежи, — успокоила Лена. — Ты храбрый мальчик, ты бы женился. Но я пошутила. Ничего из этого не выйдет, я же старше тебя.

— То-то, — с шутилой угрозой сказал Мальчик, понимая, что все-таки, конечно, он струсил, и что Лена это прекрасно поняла.

«А ну ее к чёрту! — внезапно подумал он. — Я ее больше и не увижу...»

— Светает, — сказала Лена.

Уже было видно, как дешёвенькие ходики с лисьей мордочкой водили глазами и показывали половину шестого.

— Отход! — подумал Мальчик и стал быстро собираться. Спрятавшись за грядущку, натянул брюки, ботинки и потоптался у кровати, как бы проверяя, хорошо ли сидят.

— Ну, я пойду... А тебе на работу?

— Да, скоро. Я еще полежу.

Мальчик наклонился и слегка прикоснулся губами к ее серым рассветным губам:

— До свиданья.

— До свиданья, — вежливо сказала Лена. — Дверь прихлопни хорошенько.

И отвернулась к стене еще до того, как Мальчик вышел. На постель вспрыгнул кот и, мурлыча, привалился тёплым боком к Лениной спине.

3

Мальчик бежал, прыгая через лужи, затянутые ледком. Он бежал, тоненький и длинноногий, представляя себе, как крикнет вахтенному: «Приветик!», и вахтенный проводит его завистливым взглядом. Потом выпьет в кают-компани горячего чая, а Саня Перебейнюх просипит, подмигнув:

– Ну как оно, а?

А он деловито ответит:

– Порядок. А ты как?

Улица спускалась к морю круто, как лыжный трамплин, и когда Мальчик взбежал на взгорбок, с какого лыжника, отрываясь, взлетают на воздух, он увидел бригадира.

– С добрым утром! – приветствовал бригадир, отделяясь от забора. – Жду, жду, аж зубы смерзлись. Нет, думаю, жди, ты человек честный, должок отдать необходимо...

Мальчик совсем забыл о существовании этого человека. А он опять встал на его пути, и за ужасными его плечами лежало море.

– Ну что ему, что ему нужно, что ему нужно от меня? – с лихорадочной тоской подумал Мальчик.

Он не мог понять нечеловеческого упрямства этого матёрого мужика. Сердце Мальчика стало биться не вперёд-назад, а вверх-вниз, его удары чувствовались в горле и желудке. Мальчику захотелось побежать вверх, бегал он хорошо, и бригадир наверняка не догнал бы его. Но Мальчик представил, как он колотится в дверь к Лене, и понял, что назад пути нет. Он рванул с дороги камень, но пальцы, как во сне, соскользнули, – камень примёрз.

– Молодой, а нервный, – отметил бригадир.

Мальчик изо всех сил ударил пяткой, так что

сверкнуло в глазах, и камень выскочил из гнезда. Мальчик подхватил его.

– Нервный какой, – озабоченно сказал бригадир, – смотри-ка, какой нервный... Ну, раз ты такой нервный... – и не спуская глаз с камня, достал нож.

И показал, что он не гнётся.

Мальчик, сделав обманное движение, бросил камень. Он попал противнику в плечо. Бригадирова рука дернулась вверх, нож трепеща и сверкая, пропал за забором. Дико торжествуя, мельтеша кулаками, Мальчик бросился на бригадира. Тот отступил, сноровисто ударил Мальчика в бороду, потом под дых, а когда Мальчик согнулся, сверху, в затылок, – и отступил вбок. Мальчик, в позорной позе, неся зад выше головы, побежал на четвереньках. Руки подогнулись, земля, вся в замерзших весенних шипах, прыгнула ему в лицо.

4

Он очнулся минут через двадцать, дотащился до прибоя и стал обмывать лицо. Ладони покраснели. Пошел к порту, но сообразил, что идет в противоположную сторону. Постоял, медленно развернулся, стараясь не потерять равновесия. Голову жгла какая-то каша: огненное лицо женщины, коньяк, огромный усатый кот, черные бригадировы плечи, варенье, всадники, которые маячили далеко, между подъемными кранами. Мальчик шел за солеными всадниками, оставляя на песке пьяную цепочку следов. Выходило солнце, на молу кричали сивучи, заводя свои любовные игры. Мальчик шел с разодранной мордой, трудно разводя слипшиеся от крови ресницы. И, помогая себе идти, рычал на каждом шагу: порядок!.. порядок!.. порядок!.. по-рядок!.. порядок!.. порядок!.. пор-рядок!.. пор-рядок!.. пор-рядок!.. пор-рядок!..